

Научная статья

УДК 341.1/8

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.471

Alim Khamidovich Adzhiev

Senior Lecturer of the Department of International Law,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
alim_adzhiev@bk.ru

Алим Хамидович Аджиев

старший преподаватель кафедры международного права,
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Российская Федерация
alim_adzhiev@bk.ru

ТОЛКОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА: ЗНАЧЕНИЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «ПОСЛЕДУЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВ»

12.00.10 — Международное право; европейское право

Аннотация. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., при толковании международных договоров среди прочих факторов учитываются последующие соглашения между участниками договора относительно его толкования или применения и последующая практика его применения, устанавливающая соглашение участников в отношении толкования данного договора (подп. а и b п. 3 ст. 31) (в совокупности образующие «последующее поведение государств»). Учитывая, что практика в сфере международного права в области прав человека в значительной степени развивается усилиями международных органов, созданных для контроля международных договоров по правам человека, возникает вопрос о том, насколько использование практики таких органов для целей толкования данной категории договоров (как, собственно, этими органами, так и внутригосударственными институтами) корреспондирует указанному подходу, заложенному в Венской конвенции 1969 г. Несмотря на то, что текстуальное толкование соответствующих положений данной конвенции

не предполагает возможности использования практики международных органов в рассматриваемом контексте, в статье (с учетом позиции Комиссии международного права) рассматриваются три аспекта возможности обращения к практике международных органов в контексте концепции «последующего поведения государств»: признание наличия в этой практике свидетельств поведения государств — участников международных договоров в связи с соответствующими договорами, возможность ее влиять на изменение поведения государств (и тем самым потенциально — на формирование их «последующего поведения») и значение данной практики в качестве дополнительного средства толкования по смыслу ст. 32 Венской конвенции 1969 г.

Ключевые слова: последующая практика, последующие соглашения, последующее поведение государств, толкование международных договоров, Венская конвенция 1969 года, Комиссия международного права, Европейский суд по правам человека, Комитет по правам человека, права человека, право международных договоров

Для цитирования: Аджиев А. Х. Толкование международных договоров о правах человека: значение практики международных органов в контексте концепции «последующего поведения государств» // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 279—283. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.471.

Original article

INTERPRETATION OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS TREATIES: THE ROLE OF INTERNATIONAL BODIES' PRACTICE IN THE CONTEXT OF THE “SUBSEQUENT STATES' CONDUCT” CONCEPT

12.00.10 — International law; European law

Abstract. According to the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, when interpreting international treaties, among other factors, the subsequent agreements between the parties to the treaty regarding its interpretation or application and the subsequent practice of its application, establishing the agreement of the parties with respect to the interpretation of this treaty (in the aggregate, forming the “subsequent behavior of states”) shall be taken into account (Art. 31(3) (a) and (b)). Given that the practice in the field of international human rights law is largely developed by the efforts of international bodies created to control international human rights treaties, the question arises as to how much using such bodies' practice for the purpose of interpreting this category of treaties (by these bodies and domestic institutions) corresponds to the mentioned approach laid down in the 1969 Vienna Convention. Despite the fact that the textual interpretation of the relevant provisions of this convention does not imply the possibility of using the

practice of international bodies in the context under consideration, the article (with regard to the position of the International Law Commission) examines three aspects of referring to the practice of international bodies in the context of the concept of “subsequent conduct of states”: recognition of the presence in this practice of evidence of the states parties' behavior to international treaties in connection with the relevant treaties, the possibility of its influence on changing the behavior of states (and, thus, potentially — on the formation of their “subsequent conduct”), and the value of this practice as an additional means for interpretation within the meaning of Art. 32 of the 1969 Vienna Convention.

Keywords: subsequent practice, subsequent agreements, subsequent conduct of states, interpretation of international treaties, 1969 Vienna Convention, International Law Commission, European Court of Human Rights, Human Rights Committee, human rights, Law of treaties

For citation: Adzhiev A. Kh. Interpretation of international human rights treaties: the role of international bodies' practice in the context of the "subsequent states' conduct" concept. *Business. Education. Law*, 2021, no. 4, pp. 279—283. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.471.

Введение

Правила толкования международных договоров, закрепленные в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее — Венская конвенция 1969 г.), предусматривают необходимость при соответствующем толковании учитывать последующие соглашения участников относительно толкования договора или применения его положений, а также последующую практику применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования (подп. *a* и *b* п. 3 ст. 31). Данные факторы объединяет указание на соглашение участников договора (в подп. *a* речь идет непосредственно о соглашении, а в подп. *B* — о последующей практике, устанавливающей такое соглашение), и нередко в литературе и на практике для их обозначения используется обобщающий условный термин «последующее поведение» [1, с. 2], хотя это не свидетельствует об их отождествлении или смешении.

Вопросы о значении и условиях применения концепции «последующего поведения государств» для толкования международных договоров являются достаточно дискуссионными. В частности, данным обстоятельством Комиссия международного права (далее — КМП) объясняет свое обращение к проблеме последующей практики и последующих соглашений в рамках своей повестки. Проект выводов КМП по вопросу «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договора» принят в 2018 г., и материалы данного проекта и комментарии к ним для целей настоящей статьи рассматриваются как свидетельство доктринальной позиции ведущих ученых относительно значения последующего поведения государств для толкования международных договоров и будут также использоваться далее с целью выявления значения *практики международных органов* в контексте концепции «последующего поведения государств» при толковании международных договоров о правах человека.

Особенностью применения и толкования международных договоров о правах человека в сравнении с общим массивом международных договоров является развитая и разветвленная институциональная база. Многие договоры о правах человека содержат положения о компетенции международных органов, призванных осуществлять контроль за их соблюдением. Основные международные договоры по правам человека содержат соответствующие положения. Практика этих органов рассматривается как авторитетная позиция относительно толкования соответствующих договоров, активно воспринимаемая внутригосударственными правовыми системами [2, с. 240—245], и широко распространенной является практика ссылок международных органов на свои собственные решения, практика взаимных ссылок. При этом подобная практика, как правило, прямо не сопровождается комментариями о ее связи с правилами толкования, установленными Венской конвенцией 1969 г., хотя, например, Европейский суд по правам человека нередко ссылается на нее в обоснование своих позиций [3, с. 42—43].

Нередко в науке международного права можно встретить утверждение о связи такой практики с фактором «последующего поведения», как он отражен в подп. *a* и *b* п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г. [4, с. 130—132; 5, с. 219]. Аналогичный подход используется на практике: так, Комитет по правам человека вслед за Комитетом по международному праву и практике в области прав человека Ассоциации

международного права в одном из своих замечаний общего порядка отметил, что общую правовую практику Комитета по правам человека можно рассматривать как последующую практику применения договора, которая устанавливает соглашение сторон относительно его толкования по смыслу подп. *b* п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г., или, в качестве альтернативного варианта, такую практику может составлять молчаливое принятие государствами-участниками этой общей практики [6].

Вместе с тем, если исходить из текстуального толкования данных положений Венской конвенции 1969 г., речь в них идет о *соглашении между участниками* и о *практике, устанавливающей такое соглашение*, и возникают сомнения в том, что этими положениями напрямую охватывается практика международных органов. Это вызывает неопределенность в вопросе о том, каково подлинное значение такой практики в контексте рассматриваемых факторов толкования международных договоров, что объясняет **актуальность** обращения к данной проблеме в рамках настоящей статьи.

Отдельные аспекты рассматриваемой проблематики затрагиваются в трудах зарубежных и отечественных исследователей. С. Д. Мерфи рассматривает значение последующих соглашений и последующей практики для толкования международных договоров, однако не уделяет внимания вопросу о значении практики международных органов в этом контексте [1]. М. Фицморис комментирует позицию КМП по вопросу о последующих соглашениях и практике в контексте толкования международных договоров [7]. К. Питерс рассматривает соотношение последующей практики и устоявшейся практики международных организаций [8]. В работе Д. МакГрогана, посвященной толкованию международных договоров о правах человека и последующей практике, отстаивается позиция о необходимости (при определенных условиях) восприятия практики международных органов в качестве последующей практики в контексте Венской конвенции 1969 г. [9]. Среди работ российских авторов следует выделить работы А. С. Исполинова, который исследует вопросы роли последующей практики государств [10] и последующих соглашений [11] в праве международных договоров.

Целесообразность обращения к проблеме, которой посвящена настоящая статья, объясняется сложившейся в науке и на практике потребностью в повышении правовой определенности относительно использования практики международных органов для толкования международных договоров о правах человека в контексте реализации положений Венской конвенции 1969 г.

Научная новизна проявляется в двух аспектах: во-первых, концепция «последующего поведения государств» рассматривается в ее применении в сфере международного права прав человека, а во-вторых, обширная практика применения решений международных органов для толкования международных договоров о правах человека рассматривается в контексте подходов, изложенных в Венской конвенции 1969 г.

Целью работы является выявление значения практики международных органов в контексте концепции «последующего поведения государств» при толковании международных договоров о правах человека. Данная цель в рамках настоящей статьи достигается посредством решения **задач**, корреспондирующих выявленному потенциалу рассматриваемой практики: в статье рассматриваются три основных аспекта

возможности восприятия практики международных органов для толкования международных договоров о правах человека в контексте положений п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г.

Теоретическое значение настоящей работы заключается в том, что она представляет собой результат исследования, направленного на развитие теории толкования норм международного права о правах человека. **Практическое значение** работы состоит в возможности использования ее результатов в международной и внутригосударственной практике толкования международных договоров о правах человека.

Основная часть

В соответствии с п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г., при толковании международного договора, «[н]аряду с контекстом учитываются: а) любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений; б) последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Очевидно, что формулировки данных положений содержат недвусмысленные указания на соглашение участников и практику, устанавливающую соглашение участников, а следовательно, при первом приближении, данными положениями не может охватываться практика международных органов, независимо от того, какова их роль в толковании того или иного международного договора. Как подчеркивает КМП, «[п]оследующие соглашения и последующая практика как аутентичные средства толкования договора не следует путать с толкованием договоров международными судами, трибуналами или экспертными договорными органами в конкретных случаях» [12, с. 27].

Таким образом, КМП исходит из текстуального толкования подп. а и б п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г. Вместе с тем КМП отмечает также, что «[р]ешения и другие высказывания международных судов, трибуналов и экспертных договорных органов могут, однако, косвенным образом иметь отношение к установлению последующих соглашений и последующей практики как аутентичных средств толкования, если они касаются, отражают или вызывают такие последующие соглашения и практику самих участников» [12, с. 28].

Учитывая особое влияние международных контрольных институтов на толкование и применение международных договоров о правах человека, данные аспекты взаимосвязи «последующего поведения» участников договора и деятельности соответствующих международных органов приобретают особое значение.

Не представляя собой, собственно, «последующее поведение» относительно толкования договора, их практика, во-первых, содержит свидетельства поведения государств в связи с международным договором, что раскрывается в двух аспектах.

Так, осуществление международными органами функций контроля за соблюдением государствами-участниками обязательств по международным договорам о правах человека предполагает обращение к практике государств как в связи с индивидуальными обращениями о нарушениях прав человека (выявляется, например, законодательная практика государства-ответчика), так и в контексте иных форм контроля (в частности, в процессе рассмотрения докладов государств-участников). Как результат, акты соответствующих органов (решения, постановления и т. д.) содержат данные о практике государств. В постановлениях Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) отдельный раздел посвящается

внутригосударственному законодательству государства-ответчика. Подобные разделы или соответствующие специальные положения содержатся и в актах Межамериканского суда по правам человека и Межамериканской комиссии по правам человека, Африканского суда по правам человека и народов и Африканской комиссии по правам человека и народов. Комитеты, созданные в рамках ООН на основании международных договоров в сфере прав человека, по итогам рассмотрения докладов государств-участников подготавливают свои доклады, в которых непосредственно отображается информация о внутригосударственной практике. При этом, разумеется, речь не идет о том, что содержащиеся в практике международных органов свидетельства практики отдельных государств подразумевают наличие «последующего поведения» по смыслу подп. а и б п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г., которые содержат условие о «соглашении» участников договора.

Кроме того, в процессе осуществления своих функций международные контрольные органы толкуют соответствующие международные договоры о правах человека, принимая во внимание для этой цели в том числе фактор «последующего поведения». В результате практика соответствующих международных органов содержит свидетельства наличия или отсутствия такого поведения.

Так, практика ЕСПЧ является авторитетным свидетельством существования «европейского консенсуса» в случае, если таковой был им установлен (как, например, в деле *A, B and C v Ireland*). Как отмечает Н. Н. Липкина, «суд избегает в своих решениях однозначного разрешения сложнейших вопросов, которые не разрешены даже на национальном уровне во многих государствах и по которым, соответственно, не может существовать „европейского консенсуса“» [13, с. 110]. Особое значение обращение к внутригосударственному праву и практике может иметь для установления содержания правовых концепций, которыми оперирует сам ЕСПЧ [14, с. 142—146]. В межамериканской системе защиты прав человека, в которой метод «консенсуального толкования» применяется с приоритетом установления консенсуса именно в международных договорных отношениях, тем не менее повсеместным в практике является и обращение в этих целях к внутригосударственному законодательству государств-участников (как, например, в деле *Hernandez v Argentina*). Африканские органы по правам человека также обращаются в рассматриваемом контексте к внутригосударственному праву, хотя и значительно реже (примером служит дело *Robert John Penesis v United Republic of Tanzania*).

Во-вторых, практика международных органов по правам человека может влиять на изменение поведения государства и тем самым потенциально — на формирование «последующего поведения» государств-участников по смыслу подп. а и б п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г.

Комитет по международному праву и практике в области прав человека Ассоциации международного права отмечает: если принять традиционный подход к толкованию международных договоров о правах человека (подход, которого придерживается КМП и некоторые государства — участники таких договоров применительно к оговоркам), выводы комитетов по правам человека сами по себе не представляют собой практику государств (в том числе в контексте ст. 31 Венской конвенции 1969 г.); однако ответная реакция отдельных государств или всей совокупности государств — участников соответствующего договора будет составлять такую практику; в каждом конкретном деле позитивная или поддерживающая реакция государства или группы государств либо

молчание государств относительно вывода комитетов могут представлять собой последующую практику, которая устанавливает соглашение участников договора [15, с. 6]. Следует, однако, обратить внимание на то, что относительно молчания государств в качестве их «последующего поведения» или свидетельства такого поведения есть и другое мнение: так, по заявлению США в связи с представленным Комитетом по правам человека проектом замечаний общего порядка № 33, молчание государств-участников относительно выводов Комитета не может рассматриваться ни как отражающее практику государств по применению Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ни как устанавливающее соглашение государств-участников относительно толкования договора по смыслу подп. *b* п. 1 ст. 31 Венской конвенции 1969 г. [16].

В-третьих, есть основания считать, что практика рассматриваемых органов может иметь значение в качестве практики, к которой возможно обращение в контексте ст. 32 Венской конвенции 1969 г., устанавливающей дополнительные средства толкования. КМП допускает рассмотрение в качестве таковой «заявление наблюдательного договорного органа или органа по урегулированию споров, связанное с толкованием соответствующего договора» [12, с. 42]. Такой подход признается также в практике отдельных государств (в частности, Японии).

Заключение и выводы

Несмотря на то, что текстуальное толкование подп. *a* и *b* п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г. напрямую не позволяет апеллировать к практике международных органов при толковании международных договоров о правах человека, такая возможность может быть обоснована, и соответствующая практика, таким образом, не может считаться неоправданной в принципе. Во-первых, такая практика содержит свидетельства поведения государств в связи с международным договором; во-вторых, она может влиять на изменение поведения государств и тем самым потенциально — на формирование их «последующего поведения»; в-третьих, практика международных органов может приниматься во внимание в качестве дополнительного средства толкования по смыслу ст. 32 Венской конвенции 1969 г.

Вместе с тем следует иметь в виду ограниченность значения практики международных органов в рассматриваемом контексте: не следует отождествлять ее с поведением государств, недопустимо автоматически применять ее в качестве единственного и решающего средства толкования международных договоров по правам человека, неправильным видится неизбирательное использование различных элементов структуры такой практики — недифференцированное обращение с различного вида актами и отдельными их разделами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Murphy S. D. The relevance of subsequent agreement and subsequent practice for the interpretation of treaties. URL: <https://ssrn.com/abstract=2291597>.
2. Липкина Н. Н. К вопросу об *erga omnes* эффекте правовых позиций Европейского суда по правам человека // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2015. № 1(102). С. 240—245.
3. Красиков Д. В. «Скрытая роль» норм общего международного права в регулировании компетенции Европейского суда по правам человека // Рос. юрид. журн. 2013. № 3(90). С. 38—45.
4. UN Human Rights Treaty Bodies: Law and Legitimacy / Ed. by H. Keller, L. Grover. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 461 p.
5. Красиков Д. В. Практика Европейского суда по правам человека в российской правовой системе // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. 2014. № 6(101). С. 218—224.
6. Draft General Comment No. 33 (Second revised version as of 18 Aug. 2008) “The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights”. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/635465>.
7. Fitzmaurice M. Subsequent agreement and subsequent practice // International Community Law Review. 2020. Vol. 22. No. 1. Pp. 14—32.
8. Peters Ch. Subsequent practice and established of international organizations: two sides of the same coin? // Goettingen Journal of International Law. 2011. Vol. 3. Iss. 2. Pp. 617—642.
9. McGrogan D. On the interpretation of human rights treaties and subsequent practice // Netherlands Quarterly of Human Rights. 2014. Vol. 32. Iss. 4. Pp. 347—348.
10. Исполинов А. С. Роль последующей практики государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 9. С. 79—87.
11. Исполинов А. С. Роль последующих соглашений (subsequent agreements) государств в праве международных договоров // Законодательство. 2016. № 10. С. 79—87.
12. Доклад Комиссии международного права. Семидесятая сессия (30 апр. — 1 июня и 2 июля — 10 авг. 2018 г.). URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/73/10>.
13. Липкина Н. Н. Правовые основания применения концепции «свободы усмотрения» в практике Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2008. № 9(141). С. 106—117.
14. Красиков Д. В. Подходы международных организаций к определению содержания понятия «верховенство права» // Вестн. Саратов. гос. акад. права. 2011. № 2(78). С. 142—146.
15. International Law Association, Committee on International Human Rights Law and Practice: Final report on the impact of findings of United Nations Human Rights treaty bodies. Report of the Seventy-first Conference, Berlin, 16—21 August 2004, London, 2004. URL: https://docs.escr-net.org/usr_doc/ILABerlinConference2004Report.pdf.
16. Comments of the United States of America on the Human Rights Committee’s Draft General Comment 33: The Obligations of States Parties Under the Optional Protocol to the International Covenant Civil and Political Rights. 2008. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CCPR/GC33/USA.doc>.

REFERENCES

1. Murphy S. D. *The relevance of subsequent agreement and subsequent practice for the interpretation of treaties*. URL: <https://ssrn.com/abstract=2291597>.
2. Lipkina N. N. On the erga omnes effect of legal positions of the European Court of Human Rights. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2015, no. 1, pp. 240—245. (In Russ.)
3. Krasikov D. V. The “hidden role” of the norms of general international law in regulating the competence of the European Court of Human Rights. *Russian Juridical Journal*, 2013, no. 3, pp. 38—45. (In Russ.)
4. *UN Human Rights Treaty Bodies: Law and Legitimacy*. Ed. by H. Keller, L. Grover. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 461 p.
5. Krasikov D. V. The practice of the European Court of Human Rights in the Russian legal system. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2014, no. 6, pp. 218—224. (In Russ.)
6. *Draft General Comment No. 33 (Second revised version as of 18 Aug. 2008) “The Obligations of States Parties under the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights”*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/635465>.
7. Fitzmaurice M. Subsequent agreement and subsequent practice. *International Community Law Review*, 2020, vol. 22, no. 1, pp. 14—32.
8. Peters Ch. Subsequent practice and established practice of international organizations: Two sides of the same coin? // *Goettingen Journal of International Law*. 2011. vol. 3. issue 2. pp. 617—642.
9. McGrogan D. On the interpretation of human rights treaties and subsequent practice. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2014, vol. 32, iss. 4, pp. 347—348.
10. Ispolinov A. S. The role of subsequent state practice in the law of treaties. *Legislation*, 2016, no. 9, pp. 79—87. (In Russ.)
11. Ispolinov A. S. The role of subsequent agreements of states in the law of treaties. *Legislation*, 2016, no. 10, pp. 79—87. (In Russ.)
12. *Report of the International Law Commission. Seventieth session* (30 Apr. — 1 June and 2 July — 10 Aug. 2018). (In Russ.) URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/73/10>.
13. Lipkina N. N. Legal grounds for application of the concept of “discretion” in the practice of the European Court of Human Rights. *Journal of Russian Law*, 2008, no. 9, pp. 106—117. (In Russ.)
14. Krasikov D. V. Approaches of the international organizations to definition of the concept content of “the rule of law”. *Saratov State Academy of Law Bulletin*, 2011, no. 2, pp. 142—146. (In Russ.)
15. International Law Association, Committee on International Human Rights Law and Practice: Final report on the impact of findings of United Nations Human Rights treaty bodies. Report of the Seventy-first Conference, Berlin, 16—21 August 2004, London, 2004. URL: https://docs.escri-net.org/usr_doc/ILABerlinConference2004Report.pdf.
16. Comments of the United States of America on the Human Rights Committee’s Draft General Comment 33: The Obligations of States Parties Under the Optional Protocol to the International Covenant Civil and Political Rights. 2008. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CCPR/GC33/USA.doc>.

Статья поступила в редакцию 09.10.2021; одобрена после рецензирования 14.10.2021; принята к публикации 21.10.2021.
The article was submitted 09.10.2021; approved after reviewing 14.10.2021; accepted for publication 21.10.2021.

Научная статья

УДК 336.22

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.475

Semen Konstantinovich Titorenko

Postgraduate of the Department of International
and Public Law,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
titorenko96.st@gmail.com

Семен Константинович Титоренко

аспирант департамента международного
и публичного права,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
titorenko96.st@gmail.com

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

12.00.04 — Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

Аннотация. В статье рассматриваются особенности налогово-правового регулирования криптовалюты, предпринята попытка расширить классификацию криптовалют на основе исследования классификации криптовалют, используемой в законодательстве

Российской Федерации, с учетом сложившейся практики и зарубежного опыта.

В статье поднимается основная проблема, связанная с определением объекта налогообложения при проведении операций с использованием криптовалюты. Исследован